

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

ТОМЪ П.
1827 г. — 1851 г.

ИЗДАНИЕ
Графа С. Д. Шереметева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. О., 2 л., 7.

1879

ЛИТЕРАТУРНІЕ

КРИТИЧЕСКІЕ И БІОГРАФИЧЕСКІЕ

ОЧЕРКИ

ТОМЪ II.

1827 г. — 1851 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича. В. О., 2 л., 7.

—
1879

LVI.

НАПОЛЕОНЪ И ЮЛІЙ ЦЕСАРЬ.

PRÉCIS DES GUERRES DE JULES CÉSAR, PAR L'EMPEREUR NAPOLEON ECRIT À L'ILE
SAINTE HÉLÈNE SOUS LA DICTÉE DE L'EMPEREUR PAR M. MARCHAND SUIVI DE
PLUSIEURS FRAGMENTS INÉDITS ET AUTHENTIQUES, ETC. ETC. PARIS. 1836.

1836.

Вотъ еще новое любопытное дополненіе къ заgrabной лит-тературѣ Св. Елены, которая уже подарила насъ многими примѣчательными и живѣйшею занимательностью дышащими твореніями. Кто не читалъ историческихъ диктовокъ славнаго изгнанника? Ими на уединенной скалѣ улаждалъ онъ свои муки, совращалъ долгіе дни и безсонныя ночи! Ими, по неутолимой жаждѣ своего властолюбія, побушался онъ еще предписывать законы мнѣніямъ потомства, представляя на судъ его дѣянія свои и другихъ въ томъ видѣ и съ той точки зрѣнія, кои особенно ему были свойственны и нужны! Въ этомъ отношеніи Наполеонъ-писатель—необходимый комментаторъ Наполеона-полководца, политика и правителя. Въ этихъ отрывкахъ онъ во многомъ себя разгадываетъ или тѣмъ, что говоритъ, или тѣмъ, что умалчиваетъ, или тѣмъ, что прибавляетъ къ истинѣ, или тѣмъ, что утаиваетъ отъ нея. А сколько орлиныхъ, быстрыхъ, свѣтозарныхъ, пронизательныхъ взглядовъ на людей и событія! Сколько страницъ, воспламененныхъ высокимъ краснорѣчіемъ, украшеннымъ не цвѣтами искуснаго ритора и фразеолога, но, такъ сказать, созрѣвшими плодами человека,

испытавшаго все и всѣхъ, ратоборца съ судьбою и людьми, коего выраженіе разительно и полновѣсно, потому что жизнь его завалилась въ спибкахъ стихій могущихъ и пламенныхъ, потому что краснорѣчіе его — отголосокъ событій и что слова его — еще дѣйствиіе.

Меморіаль Ласказа есть, безъ сомнѣнія, одна изъ важнѣйшихъ книгъ нашего столѣтія. Если слишкомъ часто Ласказъ выходитъ въ ней самъ на сцену и заслоняетъ Наполеона Лесажевскимъ агласомъ своимъ, то какъ не простить ему этой маленькой утѣхи самолюбія за добродушную точность, съ которою онъ велъ свой журналъ, и за тѣ живые очерки, въ коихъ онъ передалъ намъ героя своего какъ въ говорящемъ зеркалѣ. А журналъ докторовъ Омеара, особенно Антомарки, который въ живой картинѣ передалъ намъ послѣдніе дни и кончину изгнанника, коего смерть за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ была бы важнѣйшимъ событіемъ въ Европѣ, а тутъ совершилась тихо и одиноко въ виду нѣсколькихъ вѣрныхъ до гроба! Не знаю ничего трогательнѣе и разительнѣе сихъ отходныхъ страницъ Антомарки. Никакая печальная развязка трагедіи, романа не возбуждаетъ тоски и соболѣзнованія, подобныхъ этимъ чисто-медицинскимъ отмѣткамъ. Съ стѣсненіемъ духа слѣдуешь за возрастающими признаками приближающейся кончины: вопрошаешь съ медикомъ этотъ слабѣющій и прерывающійся пульсъ, который нѣкогда бился такъ сильно и горячо бурною жизнью державъ и народовъ; сочувствуешь очевидцамъ и раздѣляешь удивленіе ихъ при видѣ Наполеона умирающаго, Наполеона умершаго. Нигдѣ и ни въ комъ не выразилось такъ сильно могущество и немощь человѣка, какъ въ Наполеонѣ, нѣкогда Парижскомъ или Европейскомъ, и въ Наполеонѣ за-океанскомъ!

Маршанъ въ предисловіи къ изданной имъ нынѣ книгѣ сообщаетъ еще нѣсколько новыхъ подробностей о кончинѣ его. Онъ также подтверждаетъ, что послѣднія слышанныя отъ него слова были: Франція! Армія! Послѣдними чтеніями его были: походы Аннибала, описанные бригаднымъ генераломъ Фредерикомъ Гильомомъ, и походы Дюмурье. Тутъ же, въ предисловіи, находятся и нѣкоторыя выписки изъ духовнаго завѣщанія и

кодицилъ Наполеона и изъ наставленій, кои онъ далъ своимъ душеприказчикамъ: Монталону, Бертрану и Маршану.—Между прочими особенное вниманіе заслуживаетъ то, что относилось до сына его:

„Вы уговорите его принять вновь имя Наполеона, какъ только вступитъ онъ въ совершеннолѣтіе и удобно ему будетъ это сдѣлать.

„Если бы случился такой оборотъ фортуны, что онъ вступилъ бы на престолъ, то обязанность моихъ душеприказчиковъ будетъ обратить вниманіе его на все то, чѣмъ я обязанъ моимъ старымъ офицерамъ и солдатамъ и вѣрнымъ моимъ служителямъ. Память моя будетъ славою жизни его; вы облегчите ему средство приобрѣсти все, чѣмъ можетъ онъ окружить себя въ этомъ смыслѣ; вы дѣятельно и прилежно исправите понятія его о событіяхъ и вещахъ (*vous redresserez ses idées avec force sur les faits et les choses*); вы можете найти у д'Алба, Фена, Менвала и Бурьенна много такого, что будетъ для него особенно важно.

„Если не будетъ благопріятнаго оборота фортуны во Франціи, то желаю, чтобы какъ можно менѣе изъ семейства моего было при царскихъ дворахъ, а чтобы мои племянники и племянницы переженились между собою въ Римскихъ владѣніяхъ, въ Швейцарской республикѣ, или въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

„Увѣрьте письменно, или лично, если можно, императрицу Марію-Луизу въ уваженіи и въ чувствахъ, кои я къ ней имѣлъ; поручите ей сына моего, который только въ ней можетъ найти опору.

„Составьте собраніе картинъ, книгъ и медалей, которыя могли бы дать сыну моему правильныя понятія и уничтожить ложныя предубѣжденія, кои чуждая политика могла бы внушить ему, съ тѣмъ, чтобы онъ видѣлъ вещи такъ, какъ онѣ были.

„Печатая мои Италійскіе и Египетскіе походы и тѣ изъ моихъ рукописей, кои будутъ изданы въ свѣтъ, должно посвятить ихъ сыну моему, а равно и письма государей, если оты-

щутся: можно будетъ получить ихъ изъ архивовъ, что не было бы трудно, ибо гордость народная много бы отъ того выиграла“.

По увѣренію Маршана, позднее приношеніе его не есть еще послѣднее богатство литературныхъ запасовъ Св. Елены. Послѣднею диктовкою Наполеона въ ночь съ 29 апрѣля на 30 (онъ умеръ 5-го мая) былъ проектъ военнаго устройства Франціи, въ двухъ частяхъ, который онъ наименовалъ: *Première* и *seconde rêverie*. Сии бумаги еще не изданы въ свѣтъ.

Настоящій же перечень походовъ Юлія Цесаря есть болѣе книга военная. Это краткіе комментаріи на комментаріи Цесаря; они особенно любопытны и важны въ военномъ отношеніи. За краткимъ и довольно голословнымъ изложеніемъ событій и военныхъ дѣйствій слѣдуютъ при каждой главѣ примѣчанія, въ коихъ Наполеонъ также весьма кратко и сжато излагаетъ свой окончательный приговоръ въ похвалу или въ осужденіе, сравнивая иногда свойства, удобства и характеристику прежней войны съ новѣйшею. О достоинствѣ этихъ замѣчаній, какъ нибудь, бѣгло и даже сухо набросанныхъ, говорить нечего. Тутъ мастеръ говоритъ о своемъ мастерствѣ: слѣдовательно, каждое слово важно для художества и художниковъ. Какую цѣну долженъ имѣть въ устахъ рѣшителя столькихъ сраженій, на примѣръ, слѣдующій афоризмъ: „Есть минута въ сраженіяхъ, когда малѣйшая маневра рѣшитъ и даетъ превосходство: это капля воды, отъ которой переполняется...“

По поводу моста, наведеннаго Цесаремъ чрезъ Рейнъ, и чрезмѣрныхъ похвалъ о томъ Плутарха, Наполеонъ довольно пространно говоритъ о мостѣ, наведенномъ на Дунаѣ Французскими войсками въ 1809 году. Поясненія его о семъ предметѣ и предположенія о удобствѣ устроенія пробочныхъ понтоновъ кажутся намъ достойны особеннаго вниманія и изслѣдованія въ практическомъ отношеніи военнаго искусства. Предоставляемъ разсмотрѣніе и оцѣнку сихъ предположеній знатокамъ военнаго дѣла, а сами обратимся къ предметамъ, имѣющимъ особенно историческій и характеристическій интересъ.

Многіе удивлялись, какъ Наполеонъ могъ пережить славу и

державу свою, какъ могъ онъ не избавиться собственнымъ жертвоприношеніемъ отъ униженій и продолжительнаго мученичества паденія своего?...

Удивленіе легкомысленное и суетное! Наполеонъ долженъ былъ имѣть такую вѣру въ судьбу свою, столь чудесную и безпримѣрную, что онъ не могъ отчаяваться до послѣдней минуты: долженъ былъ ждать и не сходить съ лица земли, пока земля носила его. Иначе Наполеонъ не былъ бы Наполеономъ.

Судьба, вознесшая его изъ скромной обители Корсиканской на престолъ Франціи и за двѣ или за три ступени отъ мечтательнаго царства всемірной державы, могла сорвать его съ утеса Св. Елены и бросить снова въ спихку событій и народовъ. Физической невозможности, раціональной несбыточности тутъ не было; слѣдовательно довольно для оправданія суевѣрія его. Съ сей точки зрѣнія должно смотрѣть и на поведеніе его въ изгнаніи, на эти замашки, на этикетъ баснословнаго двора его, отъ коихъ онъ не отрекался, чтобы *собственнымъ сознаниемъ*, которое паче всѣхъ уликъ, не дать окончательной формальности произнесенному надъ нимъ приговору, и не подпасть, въ случаѣ непредвидимыхъ обстоятельствъ, устраненію, основанному на отрицательномъ правѣ давности. Вся эта Тюльерійская комедія, разыгранная на домашнемъ театрѣ Св. Елены, разумѣется, смѣшна въ глазахъ равнодушія и философіи; но Наполеонъ, вѣроятно, и самъ, чувствуя безразсудность упрямства своего въ настоящемъ, хотѣлъ оставить себѣ на всякій случай въ будущемъ возможность сказать: *giga bien qui giga le dernier*. Въ разсматриваемой нами книгѣ находимъ замѣчательныя сужденія его о самоубійствѣ Катона послѣ неудачи его въ Утикѣ: „Поступокъ Катона былъ одобренъ современниками его и расхваляемъ Исторіею. Но кому смерть его была полезна? Цесарю. Кого обрадовала она? Цесаря. Кому была она пагубна? Риму и партіи его. Но скажутъ: онъ лучше рѣшился умереть, нежели поддаться Цесарю. Кто же принуждалъ его поддаваться? За чѣмъ не послѣдовалъ онъ за конницею или за единомышленниками своими, которые отправились изъ Утической пристани? Они собрали партію свою въ Испаніи. Какое вліяніе имѣло бы

имя его, совѣты и присутствіе посреди десяти легіоновъ, которые въ слѣдующій годъ равновѣсили жребій на ратномъ полѣ при Мундѣ! Даже и послѣ этого пораженія, кто помѣшалъ бы ему слѣдовать моремъ за молодымъ Помпеемъ, который пережилъ Цесаря и поддерживалъ еще долго со славою орлы республики? Кассій и Брутъ, племянникъ и ученикъ Катона, умертвили себя на полѣ сраженія при Филиппиѣ; Кассій убилъ себя, когда Брутъ былъ побѣдителемъ; недоразумѣніемъ, отчаянными поступками, внушенными ложнымъ мужествомъ и ложными понятіями о величіи, они доставили побѣду триумвирату. Марій, преданный фортуною, былъ выше ея; изгнанный изъ-среды морей, онъ скрылся въ Минтурнскія болота; твердость его была вознаграждена: онъ снова вступилъ въ Римъ и былъ консуломъ въ седьмой разъ; старый, изнуренный и достигшій до высшей степени счастья, онъ предалъ себя смерти, чтобы укрыться отъ переворотовъ судьбы. Но когда партія его была торжествующею, если бъ книга судебъ была раскрыта предъ Катонемъ и увидѣлъ бы онъ въ ней, что чрезъ четыре года Цесарь, пробитый двадцатью тремя ударами винжаловъ, падетъ въ сенатѣ къ подножію статуи Помпея, что Цицеронъ вступитъ снова на ораторскую трибуну и прогремитъ съ нея свои филиппики противъ Антонія: то Катонъ поднялъ ли бы руку на себя? Нѣтъ, онъ предалъ себя смерти по досадѣ, изъ отчаянія. Смерть его была слабостью великой души, заблужденіемъ стойка, пятномъ въ жизни его!“

Въ другомъ мѣстѣ, возвращаясь къ сему предмету, говоритъ онъ: „Какія услуги не оказалъ бы Катонъ, если бъ явился онъ въ Кордовѣ, посреди стана молодыхъ Помпеевъ, коихъ партія, побѣжденная при Фарсалахъ, при Таисѣ, возрождалась изъ пепла своего! Таково было могущество ея въ мнѣніи народовъ! Такимъ образомъ смерть сего благопамѣреннаго человѣка была бѣдствіемъ для сената и для республики; въ немъ не достало терпѣнія, онъ не умѣлъ выждать времени и обстоятельствъ“.

Далѣе, продолжаетъ онъ: „Говорятъ, что Цесарь былъ готовъ на самоубійство въ сраженіи при Мундѣ; сіе намѣреніе было бы весьма бѣдственно для партіи его: она была бы разбита,

какъ Брутъ и Кассій!! Правитель, начальникъ партіи, можетъ ли добровольно покинуть своихъ? Подобная рѣшимость можетъ ли быть признана за добродѣтель, мужество и великодушіе? Смерть не есть ли конецъ всѣхъ бѣдствій, противоборствъ, усилій и трудовъ, и пренебреженіе смертию не есть ли обыкновенная добродѣтель каждаго воина? Хочешь ли смерти, должно ли дать себѣ смерть? Должно, отвѣчаютъ, когда остаешься безъ надежды. Но можетъ ли кто, когда и какъ быть безъ надежды на этомъ выскомъ театрѣ, гдѣ естественная или насильственная смерть одного человѣка мгновенно измѣняетъ положеніе и порядковъ всѣхъ дѣлъ?"

Заключеніе книги сей, въ которой излагаются послѣднія событія жизни Цесаря, смерть его и сужденіе о ней, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ историческимъ отрывкамъ, когда-либо писаннымъ. Тутъ Наполеонъ такъ тѣсно смѣшивается съ Цесаремъ единомысліемъ и соотвѣтственностью положеній, не смотря на различіе обстоятельствъ и времени, что читатель чувствуетъ, съ какимъ убѣжденіемъ и какъ задушевно вылились эти страницы изъ груди Наполеона: „Цесарь въ Римѣ! Партія Помпея совершенно уничтожена; весь Римскій міръ признаетъ надъ собою законъ побѣдителя. Сенатъ именуетъ его императоромъ и диктаторомъ безсмѣннымъ. Цесарь опредѣлилъ большее число сенаторовъ и патриціевъ. Онъ преобразовалъ календарь; приказалъ заняться составленіемъ кодекса гражданскаго и уголовнаго. Онъ занялся проектами для украшенія Рима многими великолѣпными зданіями, приказалъ составленіе всеобщей карты имперіи и статистической таблицы областей; поручилъ Варрону образовать многочисленную публичную бібліотеку; обнародовалъ проектъ осушить Понтійскія болота, вырыть новое русло Тибру отъ Рима до моря, а въ Остин рейду, удобную къ принятію огромнѣйшихъ кораблей; онъ говорилъ о прорѣзаніи Коринесскаго перешейка; онъ отправилъ колоніи, чтобы поднять Коринѣи и Карфагенъ.

„Онъ искренно простилъ всѣмъ остаткамъ Помпейской партіи и призвалъ въ высшимъ должностямъ начальниковъ знатнѣйшихъ домовъ патриціевъ; онъ повиновался чувству велико-

душія, ему свойственному, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совѣтамъ политиви. Не народною ли партіею предводительствуя, перешелъ онъ Рубиконъ? Не на нее ли опираясь, побѣдилъ гордость аристократіи, собравшейся вокругъ Помпея? Въ самомъ дѣлѣ, что могъ бы онъ совершить съ двумя или тремя легіонами? Какъ покорилъ бы онъ Италію и Римъ безъ осадъ и сраженій, еслибъ большинство рукъ Римлянъ и Итальянцевъ не было за него? Помпей, при началѣ междоусобной войны, имѣлъ два старые легіона и 30.000 человекъ у воротъ Рима; въ Коринніи имѣлъ онъ тридцать когортъ. Но народъ былъ противъ него; онъ долженъ былъ безъ боя оставить вѣчный градъ. Онъ переплылъ море, чтобы бѣжать на встрѣчу легіонамъ Азіятскимъ; онъ создалъ тамъ себѣ армію, былъ въ Греціи окруженъ сенатомъ и большинствомъ патриціевъ; но и Цесарь съ перваго шага былъ властелиномъ Рима.

„Послѣ торжествъ при Фарсалахъ, Папсѣ и Мундѣ, при совершенномъ уничтоженіи партіи Помпея, партія народная и старые войны возвысили свои требованія; голоса ихъ раздались, Цесарь почувствовалъ опасеніе, онъ прибѣгнулъ къ вліянію важнѣйшихъ семействъ, для обузданія тѣхъ и другихъ. Въ народахъ и въ революціяхъ аристократія завсегда существуетъ: уничтожаете ли вы ее въ дворянствѣ—она тотчасъ переходитъ въ богатые и сильные дома средняго состоянія; уничтожаете ли вы ее и тутъ—она всплыветъ и найдетъ себѣ прибѣжище у старѣйшинъ мастерскаго класса и у народа. Правитель ничего не выигрываетъ отъ этого перемѣщенія аристократіи; напротивъ, онъ приводитъ все въ прежній порядокъ, давая ей существовать въ ея естественномъ положеніи, преобразовывая древніе дома подъ новыя начала. Сей порядокъ былъ еще потребнѣе для Рима, который, повелѣвая міромъ, имѣлъ нужду, для поддержанія превосходства своего, въ сей волшебной силѣ, прикованной къ именамъ Сципіоновъ, Павловъ-Эмилиевъ, Метелловъ, Клавдіевъ, Фабіевъ, и пр.; они были завоеватели и правители, и въ теченіе столѣтій вѣковъ имѣли вліяніе на судьбы Европы, Азіи, Африки“.

Неудача Римскихъ войскъ оставалась еще однакоже въ од-

номъ мѣстѣ безъ отмщенія: Крассъ погибъ съ войскомъ своимъ на берегахъ Евфрата, и Римскія орды, оставшіяся въ рукахъ Пароянъ, призывали согражданъ своихъ въ искупленію ихъ. „Цесарь—говоритъ Наполеонъ—объявилъ въ первыхъ дняхъ 44 года намѣреніе переплыть море, покорить Пароянъ и отомстить за прахъ Красса. Во всю зиму онъ занимался приготовленіемъ къ сей великой экспедиціи, которой требовала слава Рима и польза Цесаря; дѣйствительно, послѣ междоусобной войны столь упорной нужна была заграничная война, чтобы смѣшать остатки всѣхъ партій и преобразовать войска народныя“.

Далѣе Наполеонъ разсматриваетъ затрудненія, связанныя съ симъ походомъ, и представляетъ предположенія свои къ одолженію оныхъ. Наполеонъ является тутъ начальникомъ штаба Цесаря; но и тому и другому былъ положенъ предѣлъ на срединѣ поприща къ цѣли, вѣчно удаляющейся по мѣрѣ приближенія къ ней. „Въ то время, какъ сей великій мужъ — продолжаетъ Наполеонъ — готовился исполнить возвышенныя судьбы, обломки партіи аристократической, уцѣлѣвшіе по великодушію его, замыслили заговоръ противъ него; Брутъ и Кассій были зачинщиками онаго. Брутъ былъ стоикъ, ученикъ Катона; Цесарь любилъ его и два раза спасъ ему жизнь, но секта, къ коей онъ принадлежалъ, не допускала ничего, что бы могло смягчить его. Исполненный понятій, преподаваемыхъ въ Греческихъ школахъ противъ тираніи, онъ признавалъ законнымъ убійство человека, который былъ выше законовъ. Цесарь, диктаторъ безсмѣнный, управлялъ Римскимъ міромъ; Римъ имѣлъ призракъ сената: оно и не могло быть иначе, послѣ междоусобій Марія и Суллы, нарушенія законовъ Помпеемъ, пяти лѣтъ междоусобной войны, при такомъ большомъ числѣ ветерановъ, основавшихся въ Италіи, преданныхъ своимъ военачальникамъ и ожидающимъ всего отъ величія нѣсколькихъ человекъ и ничего отъ республики. Въ такомъ положеніи сіи совѣщательныя собранія не могли править; лицо Цесаря было, слѣдовательно, залогомъ владычества Рима надъ міромъ и спокойствія гражданъ всѣхъ партій; слѣдовательно, власть его была законна. Позднѣе, чтобы оправдать низкое и противоположное убійство, заговор-

щии и приверженцы ихъ предположили, что Цесарь хотѣлъ наименовать себя царемъ: предположеніе, очевидно, нелѣпое и лживое, которое однако же перешло изъ вѣва въ вѣвъ и признается истинною историческою! Если бы Цесарь имѣлъ дѣло съ поколѣніемъ, которое видѣло Нуму, Туллія и Тарвиніевъ, онъ могъ бы прибѣгнуть, для укрѣпленія власти своей и превращенія сомнѣній и волненій республики, въ формамъ правительства, свято уважаемымъ и освященнымъ привычкою; но онъ жилъ среди народа, который въ пятьсотъ лѣтъ не зналъ другой власти, кромѣ власти консуловъ, диктаторовъ, трибуновъ; достоинство царей было уничтожено, курульныя кресла были выше трона. На какой тронъ могъ бы вступить Цесарь? На тронъ Римскихъ царей, коихъ власть простиралась до городского округа? На тронъ варварскихъ владителей Азіи, побѣжденныхъ Фабриціями, Сципіонами, Метеллами, Клавдіями и проч.? Это была бы странная политика. Какъ! Цесарь искалъ бы безопасности, величія, уваженія въ вѣнцѣ, который носили Филиппы, Аттилы, Митридаты, Фарнавы, Птоломеи, когда граждане видѣли ихъ всѣхъ влачимыхъ за торжественною колесницею побѣдителей ихъ. Это слишкомъ нелѣпо“.

Изложивъ и опровергнувъ всѣ доводы, на коихъ добрый Плутархъ, либеллистъ Суэтоній и нѣсколько другихъ писателей той же партіи основали мнѣніе свое, столь неправдоподобное, Наполеонъ заключаетъ книгу свою слѣдующими словами: „Цесарь не могъ желать, не желалъ, ничего не сдѣлалъ, а дѣлалъ все противное тому, въ чемъ обвиняютъ его. Конечно, не наванунѣ похода на Евфратъ и открытія войны трудной рѣшился бы онъ испровергнуть формы, существующія уже въ теченіи пятисотъ лѣтъ, чтобы ввести новыя. Кто правилъ бы Римомъ въ отсутствіи царя? Регентъ, губернаторъ, вице-король, тогда какъ Римъ приученъ былъ управляться консуломъ, преторомъ, сенатомъ, трибунами?“

„Принося въ жертву Цесаря, Брутъ поддался предразсудку воспитанія, почерпнутому въ Греческихъ школахъ; онъ примѣнилъ его къ темнымъ тиранамъ Целополезскимъ, которые съ помощію искательствъ и пронырствъ похищали власть надъ

городомъ; онъ не хотѣлъ видѣть что власть Цесаря была законна, потому что она была нужна и охранительна, потому что она соблюдала всѣ выгоды Рима, потому что она была дѣйствіемъ мнѣнія и воли народа. Цезарь умершій былъ замѣщенъ Антоніемъ, Октавіемъ, Тиберіемъ, Нерономъ — и вслѣдъ за этимъ всѣ человѣческія соображенія были истощены въ теченіе шести сотъ лѣтъ; но ни республика, ни царская монархія не явилась. Вѣрное доказательство, что ни та, ни другая не были болѣе въ соотношеніи съ событіями и вѣкомъ. Цезарь не хотѣлъ быть царемъ, потому что онъ не могъ хотѣть того, ибо послѣ него въ теченіи шести сотъ лѣтъ ни одинъ изъ преемниковъ его не хотѣлъ“.

Какъ замѣчательны эти отрывки! Какая ясность и твердость въ изложеніи! Все это вырѣзано на мѣди. Выпуклости, вышнихъ украшеній нѣтъ, но все глубоко и прочно. Если Наполеонъ былъ мастеръ работать для исторіи, то здѣсь является онъ и мастеромъ въ разработываніи исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что книга сія останется навсегда первокласснымъ историческимъ памятникомъ, на которомъ можно бы надписать: „Цесарю первому Цезарь второй“. Къ сему творенію приложены еще три отрывка, также продиктованные Наполеономъ: о второй книгѣ *Энеиды*, о трагедіи Вольтера „*Магометъ*“ и *О самоубійствѣ*.

Помышлялъ-ли бѣдный Виргилій, что онъ подпадетъ подъ стратегическую критикъ полководца новѣйшихъ временъ, который говоритъ, что „деревянный конь могъ быть народнымъ преданіемъ, но что сіе преданіе нелѣпо и недостойно поэмы эпической, что ничего подобнаго этому нѣтъ въ *Иліадѣ*, гдѣ все сообразно съ истинною и дѣйствіями военными“. „Предполагая“, — говоритъ Наполеонъ — „что этотъ конь могъ вмѣстить только сотню воиновъ, то и тогда былъ бы онъ тяжести огромной, и нѣтъ вѣроятности, чтобы могли перетащить его въ одинъ день съ берега моря подъ стѣны Иліона, особенно при переходѣ чрезъ двѣ рѣки. Разрушеніе Трои также неправдоподобно“. Все дѣйствіе второй книги — говоритъ критикъ — продолжается отъ часу по полуночи до восхожденія солнца, слѣдственно въ промежутокъ трехъ, четырехъ часовъ: это не-

лѣпо. Троя не могла быть взята, сожжена и разрушена ранѣе пятнадцати дней. Троя вмѣщала въ себѣ армию; сія армія не спаслась бѣгствомъ, слѣдовательно она должна была обороняться во всѣхъ дворцахъ“.

Что тутъ и возражать! Наполеонъ умѣлъ брать города: ему и книги въ руки, и Виргиліева книга также! „Если бѣ Гомеръ“ — продолжаетъ Наполеонъ — „взялся за описаніе приступа Трои, онъ не описалъ бы его какъ приступъ укрѣпленія, но положилъ бы на это дѣйствіе нужное время: по крайней мѣрѣ восемь дней и восемь ночей. Читая Иліаду, чувствуешь на каждомъ шагу, что Гомеръ былъ на войнѣ, и не провелъ жизни своей, какъ утверждаютъ комментаторы, въ Хіосскихъ училищахъ; читая Энеиду, чувствуешь, что она написана школьнымъ регентомъ, который никогда ничего не дѣлалъ“. О пожарѣ Трои замѣчаетъ онъ: „Сципіону нужно было семнадцать дней, чтобы сжечь Карфагенъ, повинутый жителями; нужно было одиннадцать дней, чтобы сжечь Москву, хотя обстроенную большею частію деревянными зданіями! — Не такъ должна подвигаться эпопея и не такъ выступаетъ Гомеръ въ Иліадѣ. Журналь Агамемнона не былъ бы точнѣе въ исчисленіи разстояній и времени, въ правдоподобіи военныхъ дѣйствій, чѣмъ это высокое твореніе“.

Наполеонъ не любилъ Вольтера. Тутъ вѣроятно дѣйствовало не столько литературное, сколько политическое убѣжденіе. Ему нуженъ былъ болѣе всего порядокъ; а Вольтеръ, по свойству ума и страстей своихъ, былъ во многомъ нарушитель установленнаго порядка. Наполеонъ видѣлъ въ Вольтерѣ идеолога, а идеологія была ненавистна его практической устроительной природѣ (*organisatrice*). Вольтеръ былъ насмѣшникъ, а Наполеонъ не любилъ насмѣшки, даже и до него не касающейся, потому что насмѣшка есть орудіе независимости, ускользящее отъ управы, и особенно во Франціи — всесильное. Разбирая трагедію: *Магометъ*, несообразности ея историческія и нравственныя и предлагая, что въ ней слѣдовало бы измѣнить, Наполеонъ говоритъ между прочимъ: „Чтобы твореніе *Магометъ* было истинно-достоиннымъ Французской сцены, нужно, чтобы оно

могло быть читано безъ негодованія просвѣщенными людьми въ Константинополѣ, равно какъ и въ Парижѣ*.

Какое вѣрное замѣчаніе, свѣтлое и глубокое опредѣленіе исторической трагедіи. Какъ падаютъ предъ ней съ возвышенной славы своей всѣ драматическія творенія, написанныя съ талантомъ, но въ духѣ сочинителя, вѣка его и его общества, а не въ духѣ и не въ атмосферѣ той среды, изъ коей вызвали они свои дѣйствующія лица.

Заклучимъ нашу статью выпискою замѣтки о самоубійствѣ.

10 августа 1820 года.

„Имѣетъ ли человекъ право умертвить себя? Имѣетъ, если смерть его не вредитъ никому, и если жизнь для него есть зло.

„Когда жизнь бываетъ зломъ для человека? Когда она обѣщаетъ ему однѣ страданія и скорби. Но страданія и скорби могутъ измѣняться ежеминутно, и слѣдовательно нѣтъ ни одной минуты жизни, гдѣ человекъ имѣлъ бы право себя убить; эта минута могла бы наступить только въ часъ смерти его, ибо только тогда убѣдился бы онъ, что вся жизнь его была сцѣпленіе бѣдъ и страданій. Нѣтъ человека, которому нѣсколько разъ въ жизни не приходило бы, въ нравственномъ изнеможеніи, подъ гнетомъ ощущеній, тяготящихъ душу его, желанія умертвить себя и которому, спустя нѣсколько дней, не пришлось бы отъ переменъ въ ощущеніяхъ и въ обстоятельствахъ радоваться тому, что замысль его не совершился.

„Человекъ, который убилъ бы себя въ понедѣльникъ, могъ бы желать жить въ субботу; а между тѣмъ убиваешь себя единойжды! Жизнь человека образуется изъ прошедшаго, настоящаго и будущаго; и такъ потребно, чтобы жизнь была бѣдствіемъ для него, если не въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, то по крайней мѣрѣ въ настоящемъ и будущемъ. Но если она бѣдствіе только въ настоящемъ, то онъ жертвуетъ будущимъ. Бѣды одного дня не даютъ ему права жертвовать своею дальнѣйшею жизнью. Человекъ, коего жизнь есть бѣдствіе, и который имѣлъ бы увѣренность—чего допустить нельзя—что она

была бы бѣдствіемъ и навсегда безъ измѣненія въ положеніи и волѣ, безъ перемѣны отъ обстоятельствъ, привычки, или хода времени — что также невозможно — тотъ одинъ имѣлъ бы права убить себя.

„Человѣкъ, который, изнемогая подъ бременемъ различныхъ волъ, предаетъ себя смерти, совершаетъ несправедливость противъ самого себя, повинуется изъ отчаянія и слабости прихоти минуты, жертвуя ей всею жизнью.

„Сравненіе съ рукою, пораженною антоновымъ огнемъ, которую отсѣкаютъ, чтобы спасти тѣло, — не хорошо. Когда хирургъ отпиливаетъ руку, онъ убѣжденъ, что она дала бы смерть тѣлу: это не чувство, а дѣйствительность; напротивъ же, когда страданіями своими человѣкъ покушается на жизнь свою, онъ не только полагаетъ конецъ страданіямъ своимъ, но еще из-провергаетъ будущее: человѣкъ никогда не раскается, что далъ себѣ руку отрѣзать, но можетъ раскаяться и почти всегда долженъ былъ бы раскаяться, что нанесъ себѣ смерть“.

Эти сужденія произносимыя Наполеономъ очень любопытны и замѣчательны. Они нѣкоторымъ образомъ даютъ ключъ къ тайнымъ и внутреннимъ помысламъ его. Если самоубійство можетъ быть допущено, то, кажется, никто болѣе Наполеона не имѣлъ повода и права повончить съ собою и тѣмъ вырваться изъ вражескихъ рукъ, послѣ паденія своего. Не должно забывать, что Наполеонъ на островѣ Св. Елены смотрѣлъ на себя какъ на жертву политики, или, вѣрнѣе, хотѣлъ выставить въ себѣ несправедливую и достойную сожалѣнія жертву. Онъ защищалъ себя, онъ писалъ апологію свою предъ судомъ современниковъ и потомства. Онъ вѣроятно зналъ, что многіе удивляются, какъ могъ онъ рѣшиться отдать себя живымъ въ руки враговъ; боялся, можетъ быть, что нѣкоторые припишутъ это малодушію его, недостатку мужества въ рѣшительную и рововую минуту. Вотъ, въ виду этихъ судей и приговоровъ ихъ, пишетъ онъ трактатъ о самоубійствѣ. Нигдѣ не смотритъ онъ на самоубійство съ религіозной и христіанской точки зрѣнія: онъ ограничивается одною житейскою и спекулятивною стороною этого вопроса. Еще важ-

нѣе и то, что онъ на пустынномъ островѣ своемъ, прикованный къ скалѣ, въ униженномъ и бѣдственномъ положеніи своемъ, при всей злобѣ дня, не терялъ надежды, что *завтрашній день* можетъ все перемѣнить; что какъ судьба перенесла его въ Парижъ съ острова Ельбы, то и съ острова Св. Елены таже судьба можетъ перенести его туда же. Говоря словами его: онъ и въ грустный и страшный *понедѣльникъ*, не терялъ надежды, что можетъ наступить радостная *суббота*.
